
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 75—92.

Woman in Russian Society. 2024. No. 1. P. 75—92.

Научная статья

УДК 323;614.2(091)(47+57)''1918/1920''

DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.5

«ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИН» И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА 1918—1920-х гг.: ПРИОБРЕТЕНИЯ И ИЗДЕРЖКИ

*Наталья Александровна Мицюк¹, Наталья Львовна Пушкарева²,
Зинара Зиевна Мухина³*

¹ Смоленский государственный медицинский университет,
г. Смоленск, Россия, nmitsyuk@gmail.com

² Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия

³ Старооскольский технологический институт им. А. А. Угарова (филиал),
Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»,
г. Старый Оскол, Россия

Аннотация. С привлечением широкого круга архивного материала (фонды отдела здравоохранения Смоленского губисполкома, отделов здравоохранения уисполкомов, подотдела охраны материнства и младенчества Государственного архива Смоленской области, Минпроса РСФСР и Деткомиссии ВЦИК Государственного архива РФ) проведен анализ социальной политики в области охраны материнства и младенчества в 1918—1920-х гг. в одном из регионов России. Было установлено, что при всей концептуальной и теоретической прогрессивности декларируемая молодой советской властью социальная политика не достигала воплощения. Главная причина — отсутствие эффективной системы местного управления и выстроенного алгоритма финансирования. Особенно уязвимыми оказывались «освобожденные женщины», которых призывали включаться в общественное производство, в то время как декларируемые социальные гарантии для всех беременных, кормящих женщин, женщин с малолетними детьми повсеместно не соблюдались. Усилия региональной власти были направлены на преодоление катастрофических последствий, связанных с голодом и войной, а потому высокие цифры детской беспризорности были обусловлены не новой половой моралью, объявившей об «освобождении женщин от домашнего рабства», но резким падением социально-

экономического уровня жизни российских городских семей. Обращение к документам детских приютов показало, что значительная часть детей была определена в эти учреждения самими матерями, старавшимися таким образом сохранить детям жизнь.

Ключевые слова: семейная политика 1920-х гг., охрана материнства и детства, «освобождение женщин», детские приюты, детская беспризорность, история семьи, история родительства

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00625 «Родительство в контексте семейной и репродуктивной политики в новейшей истории России: социально-исторический, медико-антропологический анализ», <https://rscf.ru/project/22-28-00625/>.

Для цитирования: Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л., Мухина З. З. «Освобождение женщин» и семейная политика 1918—1920-х гг.: приобретения и издержки // *Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 75—92.*

Original article

“WOMEN’S LIBERATION” AND FAMILY POLICY OF THE 1918—1920s: ACQUISITIONS AND COSTS

*Natalia A. Mitsyuk*¹, *Natalia L. Pushkareva*², *Zinara Z. Mukhina*³

¹ Smolensk State Medical University, Smolensk, Russian Federation, nmitsyuk@gmail.com

² N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

³ Stary Oskol Technological Institute named after A. A. Ugarov (Branch), National University of Science and Technology “MISIS”, Stary Oskol, Russian Federation

Abstract. The authors analyzed social policy related to the protection of motherhood and infancy in the 1918—1920s in one of the regions of Russia. The research is based on a wide range of archival materials. It was found that, despite the conceptual and theoretical progressiveness, social policy in the first years of Soviet power did not achieve its results. The main reason is the lack of an effective local government system and a structured financing algorithm. Particularly vulnerable were “liberated women” who had to perform labor duties, and social guarantees for pregnant women, nursing mothers and women with small children were not universally respected. The efforts of regional authorities were aimed at overcoming the catastrophic consequences associated with famine and war. For this reason, high rates of child homelessness were not due to a new sexual morality that proclaimed “the liberation of women from domestic slavery”, but to a sharp drop in the socio-economic standard of living of Russian urban families. An examination of the documents of orphanages showed that a significant part of the children were sent to these institutions by the mothers themselves, who were trying to save their children’s lives in this way.

Key words: family policy of the 1920s, protection of motherhood and childhood, “women’s liberation”, orphanages, child homelessness, family history, history of parenting

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 22-28-00625 “Parenthood in the context of family and reproductive policy in the modern history of Russia: socio-historical, medical-anthropological analysis”, <https://rscf.ru/en/project/22-28-00625/>.

For citation: Mitsyuk, N. A., Pushkareva, N. L., Mukhina, Z. Z. (2024) “Osvobozhdenie zhenshchin” i semeĭnaia politika 1918—1920-kh gg.: priobreteniia i izderzhki [“Women’s liberation” and family policy of the 1918—1920s: acquisitions and costs], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 75—92.

Обращение к изучению опыта реализации семейной политики в современных условиях представляется особенно актуальным. Противоречивые демографические тенденции последнего десятилетия, смена кратковременного положительного естественного прироста населения на отрицательный, вторая волна депопуляции, неравномерный суммарный коэффициент рождаемости в регионах, интенсификация и индивидуализация жизни, приводящие к появлению и распространению новых репродуктивных установок у молодого поколения (смена среднететной установки рождаемости на малодетную, старение брачности, добровольная бездетность, чайлдфри, отказ от семьи и брака) [Демографическое развитие... , 2022: 5—6] требуют от федеральных и региональных властей направлять значительные усилия на выработку оптимальной семейной и демографической политики. В то же время современные исследования демографического поведения и репродуктивных установок современной молодежи (и прежде всего женщин) показывают, что во многом выбор в пользу малодетности продиктован стремлением женщин совместить «конкурирующие цели» — профессиональную самореализацию, достижение высокого уровня благосостояния и деторождение [Великая, Князькова, 2021; Leykin, Rivkin-Fish, 2022]. Сосредоточение на карьерных стратегиях приводит к издержкам в области репродуктивных планов [Демографическое развитие... , 2022: 59]. В этой связи в 2023 г. по распоряжению Правительства РФ была принята новая Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023—2030 гг. [Распоряжение... , 2022], направленная на повышение экономической независимости, социальной активности и возможностей самореализации женщин, а также позволяющая им совмещать карьеру и рождение детей [Ушакова, Савин, 2023]. В условиях выработки оптимальной социальной политики чрезвычайно актуальным является изучение исторического опыта. Обращение к 1920-м гг. имеет особую значимость, так как в эти годы государство стремилось выработать абсолютно новый формат семейной и гендерной политики, направленный на освобождение женщин и обеспечение демографических интересов государства.

Социальная политика в отношении семьи и женщин в 1920-х гг. часто попадала в исследовательский фокус как российских, так и зарубежных историков, демографов, социологов и социальных антропологов [Конюс, 1954; Лебина, 1999; Афанасова, 2020; Васеха, 2019; Сулейманова, 2022; Мицюк, Пушкарева, 2023]. Классическим стал вывод о том, что смелые социальные преобразования, связанные с освобождением женщин, уравнивание их в правах с мужчинами, легализация абортов привели к резкому падению рождаемости [Waters, 1992; Goldman, 1993; Kirschenbaum, 2001; Афанасова, 2020]. Именно этот факт, по мнению исследователей, способствовал «великому откату» в области социальной политики, возвращению женщин в лоно семьи и защите традиционных ценностей в рамках семейной политики 1930-х гг. [Рябинина, 2004; Денисенко, 2008]. Социологи, базируясь в числе прочего на истории семейной политики в России, сформулировали кризисную концепцию семьи, в основе которой лежит изменение

ценности детей, семьи, родительства как фундамента негативных трансформаций в рамках института семьи [Голод, 2008; Антонов, 2016]. Современные исследователи, изучая различные направления семейной политики, склонны оценивать степень ее эффективности с учетом противоречивости интересов государства и личности и необеспеченности предлагаемых государством мер социальной поддержки [Гурко, 2008; Исупова, 2020; Великая, Князькова, 2021].

Мы полагаем, что оценить противоречивость семейной политики в различные исторические периоды позволяет совмещение макро- и микроисторического подходов. Цель данного исследования состоит в изучении алгоритмов реализации новой семейной политики на местах (микро- и мезоуровень) в первые годы советской власти для понимания макросоциальных процессов. Анализ реализации социальной политики на низовом уровне позволит определить, как формальные правила применялись на практике и какие при этом возникали потенциальные проблемы и противоречия. Мы опирались на микроисторический подход, в основе которого — изучение прежде всего региональных архивных материалов, имеющих отношение к различным ведомствам и организациям. Эмпирической основой исследования выступили документы Государственного архива Смоленской области из фондов отдела здравоохранения Смоленского губисполкома, отделов здравоохранения уисполкомов, фонда подотдела охраны материнства и младенчества, фондов детских приютов и детских домов. Также были использованы документы Государственного архива Российской Федерации (фонд Минпроса РСФСР и Деткомиссии ВЦИК). Для анализа реализации социальной политики на мезоуровне были изучены официальные документы, регулирующие работу государственных социальных учреждений. Многие из документов впервые вводятся в научный оборот.

Применение подходов женской истории дало возможность поставить в центр изучения женщин, их интересы и реальные свободы. Рассмотрение проводимых социальных преобразований через призму повседневной истории с использованием концептов понимающей социологии, социального конструирования реальности позволило изучить область мотивации людей, объяснить причины трансформации их семейного и репродуктивного поведения. Основными методами исследования выступили качественный и количественный контент-анализ делопроизводственных текстов, статистической информации, а также многочисленных личных обращений граждан в органы государственной власти. Нами был также использован метод интерпретативного анализа государственной социальной политики [Yanow, 2000], направленный на привлечение дискурсов, чтобы понять выраженные и переданные интересубъективные социальные смыслы, хранящиеся в (социальной) политике и связанные с ней.

Новая семейная политика и сложности реализации ее в регионах

В первые годы советской власти были приняты революционные законы, которые существенно меняли правовое положение женщин в обществе и были направлены на обеспечение их равноправия и освобождения от «семейного рабства». Формирование новых очертаний социальной политики происходило в экстремальных условиях первого десятилетия советской власти. Женское население активно включалось в сферу трудовых отношений, провозглашалось их освобождение от традиционных социальных ролей. Изменение юридического

положения женщин требовало формирования новой модели семейной политики — социал-демократической [Чернова, 2013], основанной на всеобщности, вседоступности, равенстве, бесплатности, массовости и унифицированности социальных услуг. Она была призвана решить демографические проблемы [Денисенко, 2008], которые обострились в условиях социальных катастроф, а также отражать новую идеологию социалистического государства. Советское государство рассматривало охрану материнства и детства в качестве средства для «раскрепощения трудящихся женщин» [ГАСО, ф. Р-132, оп. 1, д. 527, л. 279]. Материнство провозглашалось социальной функцией женщины, а охрана детства — обязанностью государства [Собрание... , 1942: 210]. Семья переставала рассматриваться в качестве частного института, она стала объектом государственной политики.

Требовалось изменить семейное и трудовое законодательство, которое позволило бы женщине совмещать активную профессиональную деятельность и материнство [Лебедева, Смулевич, 1936: 43]. Согласно декрету СНК от 5 октября 1918 г. и новому КЗоТу, вводилась всеобщая трудовая повинность, которая обязывала женщин активно вовлекаться в общественное производство. Происходила либерализация законодательства о семье и браке (декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении актов гражданского состояния» от 18 декабря 1917 г.), которая приводила к тому, что заключение гражданского брака и развода стали чрезвычайно простой процедурой. Социальное законодательство было направлено на установление гарантий защиты прав матерей, беременных, детей. Был расширен закон 1912 г. о страховании по беременности (увеличен срок отпуска, сокращено рабочее время для матерей с грудными детьми, вводились пособия для кормящих матерей), запрещены ряд тяжелых работ для беременных и сверхурочные работы [Собрание... , 1943: 667, 692]. Постановление Народного комиссариата труда и Народного комиссариата здравоохранения «О мерах охраны труда и здоровья матерей, кормящих грудью» от 11 ноября 1920 г. предусматривало преимущественное право на работу матерей, кормящих грудью, а также выделение мест в яслях рядом с местом жительства [там же: 667]. В 1920 г. впервые в мире была принята Декларация прав беременной [Декларация... , 1920]. Провозглашались репродуктивные права женщин. Постановление Наркоматов юстиции и здравоохранения РСФСР от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщин» впервые в мире легализовало аборт по медицинским и социальным показаниям.

Реализация принятых законов в области семейной политики, правового положения женщин на местах в первое десятилетие советской власти сопровождалась серьезными затруднениями. Одной из причин этого стало отсутствие единого центра координации политики в сфере охраны материнства и детства, что приводило к многочисленным бюрократическим проволочкам, конфликтным ситуациям и попыткам региональной власти разграничить полномочия многочисленных комиссий, отделов, подкомиссий и подотделов.

При Наркомате призрения 1 января 1918 г. была создана Коллегия по охране и обеспечению материнства и младенчества, которая должна была стать основным центром в организации проведения политики в области семьи и детства [Собрание... , 1942: 210]. Однако на практике в регионах формировалась

многоуровневая система охраны материнства и детства с привлечением различных органов исполнительной власти. Важным органом исполнительной власти, которому также вменялось в обязанность проводить политику в данной сфере, становится Наркомат народного просвещения (Наркомпрос). Его функции были сосредоточены на открытии детских приютов, яслей и детских садов и координации их деятельности [ГА РФ, ф. А-2306, оп. 14, д. 13, л. 1 об.]. Охрана детей была также отнесена к полномочиям Главного управления социального воспитания и политехнического образования детей (Главсоцвос). В Смоленской губернии в 1918—1919 гг. все детские учреждения стали подведомственны Смолгубсоцвосу [ГАСО, ф. Р-132, оп. 1, д. 75, л. 20]. Затем они постепенно переходили под контроль отделов образования и здравоохранения. Отдельные аспекты охраны материнства и детства курировали Народный комиссариат труда [Об организации... , 1919: 272], отделы по работе среди женщин (женотделы и женсоветы), учреждаемые при ЦК и местных комитетах РКП(б) по работе с женщинами. Значительный функционал в области охраны материнства и младенчества (ОММ) был закреплен за Народным комиссариатом здравоохранения, при котором были открыты Отдел охраны здоровья детей (Оздравдет) и подотдел ОММ [Собрание... , 1943: 688].

Изучение региональных делопроизводственных материалов показало, что в 1920-х гг. на местах существовала путаница и межведомственная разобщенность; функции отделов, комиссий, подотделов часто пересекались, что затрудняло проведение в жизнь единого плана преобразований. По замыслу руководителей советских органов власти, планировалось повсеместное открытие подотделов охраны детского здоровья, а также охраны материнства и младенчества на местах [ГАСО, ф. Р-132, оп. 1, д. 57, л. 397—399]. Однако местные органы власти не торопились с реализацией намеченных планов, полагая, что есть более насущные дела [там же, д. 57]. Даже при открытии многие подотделы существовали только на бумаге. Обострялась ситуация, связанная с разграничением полномочий и функционала в деятельности наркома здравоохранения и наркома образования. Подотделы внутри отделов здравоохранения и образования также не могли согласовать свои действия.

Еще одной причиной сложностей в реализации семейной политики в регионах стала проблема финансирования. Новая модель социальной политики предполагала, что содержание соответствующих учреждений должно полностью ложиться на местные органы власти, которые в 1920-х гг. не могли справиться с поставленными задачами. К 1923 г. в регионах наметилась тенденция к закрытию учреждений, связанных с реализацией функции охраны материнства и детства (детские ясли, сады, приюты, женские консультации, молочные кухни и т. д.) [там же, д. 627, л. 166]. Отмечалось «пассивное» отношение уездов к организации намеченной социальной политики, что шло «вразрез с лозунгами», озвученными советской властью [там же, д. 527, л. 279]. Из центральных органов власти приходили циркуляры, в императивной форме заявляющие о недопустимости закрытия учреждений. Несмотря на критику частных пожертвований, как выражения прежней буржуазной модели социального призрения, в условиях НЭПа государство допустило привлечение частных средств и помощи со стороны буржуазных стран [там же, д. 627, л. 41]. В практику входило использование страховых взносов и принцип закрепления шефства отдельных предприятий,

совхозов и органов власти над детскими учреждениями [там же, л. 243; д. 527]. Военные части и силовые подразделения также брали шефство над детскими домами, периодически снабжая их продуктами и одеждой [там же, д. 627, л. 205—206].

Оборотная сторона освобождения женщин

В первые годы советской власти реализация в регионах принятого законодательства в области охраны материнства и «освобождения женщин» явилась практически неосуществимой задачей. По месту работы женщинам не предоставлялись отпуска по беременности и родам, как это декларировалось в документах. Региональные подотделы ОММ были завалены ходатайствами от женщин о получении удостоверений того, что они беременные или кормящие, для предоставления по месту работы. Подотделы пытались связываться с различными органами исполнительной власти, работодателями, ссылаясь на новое социальное законодательство, но бюрократическая переписка затягивалась и не всегда давала результаты [там же, д. 627, 527].

Согласно новому трудовому законодательству, Декларации прав беременных, беременные и кормящие матери освобождались от принудительных работ. В то же время для большинства женщин в регионах эта новая социальная норма вплоть до середины 1920-х гг. действовала исключительно на бумаге. Отделы и подотделы ОММ не могли справиться с потоком обращений женщин с соответствующими ходатайствами. Отделы предоставляли женщинам справки, в которых значилась короткая формулировка «привлечению к трудовым работам не подлежит» [там же, д. 183, л. 365], но они не имели реальной силы. Нередко для освобождения женщин требовалась длительная бюрократическая переписка с различными инстанциями, в ходе которой глава отдела здравоохранения Смоленской губернии был вынужден обращаться к Смолгубпрокурору с просьбой следовать принятым нормативным актам. Нередко за уклонение от трудовой повинности женщинам назначали принудительные работы и привлекали к уголовной ответственности.

В 1922 г. врачам подотдела охраны материнства и младенчества г. Смоленска удалось провести обследование заключенных под стражу женщин. Большая часть из них обвинялась в кражах. Среди заключенных были выявлены беременные женщины, а также женщины с малолетними детьми. Врачи подотдела направляли многочисленные ходатайства в адрес прокурора Смоленской губернии о запрещении заключения под стражу беременных матерей и матерей с детьми до трех лет, согласно постановлению Наркомюста, Наркомтруда и ВЧК от 15 марта 1921 г. [там же, д. 527, л. 233]. Однако получали отказ. На практике в части исполнения законов социальное и уголовное законодательство нередко противоречили друг другу.

Отделы ОММ пытались облегчить положение осужденных женщин с малолетними детьми на руках, ходатайствуя о снижении им срока заключения. Показательна история беженки Елены Каплуновой, которая после развода осталась с тремя малолетними детьми на руках [там же, д. 627, л. 26, 29]. Не имея возможности прокормить себя и детей, она стала торговать самогоном. Женщина была арестована и осуждена за трудовое дезертирство. Прокуратура отказалась

ее освобождать из заключения, в котором она была послана на принудительные работы. Дети были определены в приют.

Повсеместное несоблюдение в регионах социальных гарантий, предоставленных беременным, привело к тому, что возглавлявшая отдел Охматмлада при Наркомздраве В. П. Лебедева обратилась к органам исполнительной власти с просьбой «совместно с органами охраны труда принимать все меры к соблюдению прав охраны труда работниц» [там же, л. 37].

С развитием принципа социального страхования с середины 1920-х гг. кормящим матерям стали выплачиваться пособия. Предполагалось, что эти средства должны быть направлены исключительно на улучшение питания ребенка, при этом не допускались траты выделяемых денег на другие нужды семьи. С этой целью в регионах были организованы специальные проверки, результаты которых показали, что выделяемые государственные страховые средства не тратятся по прямому назначению, а происходит их «распыление» на нужды всей семьи [там же, л. 212]. Было принято решение заменить выплаты натуральными продуктами в виде детского питания и одежды, которые оказались доступны исключительно городским жительницам.

С принятием новых брачно-семейных законов процедура развода была существенно облегчена, что, по мысли законодателя, должно было облегчить положение женщин. Однако на практике это обычно оборачивалось против них. В судах женщину зачастую не воспринимали в качестве полноценного субъекта права. Права матерей повсеместно не соблюдались. Женщины находились в уязвимом положении. В ходе развода при желании мужа забрать детей суд часто становился на сторону мужчины [там же, д. 531, л. 5—7]. Показателен случай Александры Романюк, у которой на основе решения суда после развода по ходатайству мужа забрали малолетних детей [там же, л. 61—64]. Их определили отцу, несмотря на то что он состоял в рядах Красной армии. Вопреки обжалованию решения суда, ходатайствам женщины в различные инстанции дети были направлены в детский дом, после того как мужчину призвали на службу. Многочисленные нарушения прав женщин в области семейного права приводили к тому, что подотделы ОММ выступали с инициативой присутствовать на судебных заседаниях и защищать интересы женщин [там же, д. 627, л. 211]. При подотделе ОММ периодически открывалась секция правозащиты матери и ребенка [там же, д. 531, л. 5—7].

Алиментное законодательство только формировалось, поэтому женщины после развода оставались с детьми на руках без всякой помощи со стороны мужа. Для многих матерей с детьми одним из самых острых был жилищный вопрос. С середины 1920-х гг. подотделы ОММ стали проводить регулярное обследование жилищных условий матерей с малолетними детьми. Заключение комиссии показывали драматичную картину. Многие семьи проживали в антисанитарных условиях, не имея элементарных вещей — детской одежды, мебели, посуды [там же, оп. 2, д. 411, л. 24]. Для спасения детей от голода их нередко забирали в приюты. Члены этих комиссий ходатайствовали перед жилищной комиссией об улучшении условий проживания женщин с малолетними детьми [там же, оп. 1, д. 627, л. 213]. Однако данные ходатайства оставались на бумаге.

Городской жилищный фонд был не в состоянии обеспечить жилплощадь всех просительниц.

Тяжесть социально-экономического положения, незащищенность прав женщин и матерей приводили к распространению проституции [Сулейманова, 2022: 101]. Согласно Уголовному кодексу 1922 г., занятие проституцией не считалось преступлением, к такому относилось содержание притонов, сводничество и принуждение к проституции. К решению данной социальной проблемы были подключены здравотделы, женотделы, органы милиции, НКВД, социального обслуживания. В губернии был образован специализированный совет по борьбе с проституцией. Его главная задача состояла исключительно в осуществлении санитарно-просветительской работы. В 1923 г. в Смоленске милицией было зафиксировано 68 проститутток, в 1926 г. их было выявлено 125 [ГАСО, ф. Р-132, оп. 2, д. 655, л. 47]. Однако в отчетах подчеркивалось, что эти цифры чрезвычайно далеки от реального положения дел [там же, д. 109, л. 5]. Основной контингент занимавшихся проституцией — вдовы и безработные женщины [там же, л. 46]. С середины 20-х гг. стал фиксироваться рост детской проституции (12—16 лет) [там же]. Признавалось, что борьба с проституцией — это прежде всего «борьба с безработицей среди женщин» [там же, оп. 1, д. 334, л. 11]. Совет по борьбе с проституцией стал активно ходатайствовать о выделении для женщин, вероятность занятия проституцией которых рассматривалась высокой, трудовых мест. Работодателям вменялось в обязанность «не допустить огульного сокращения женщин» [там же]. Среди проститутток в городах нередко были женщины, продающие самогон, поэтому в обиход вошло понятие «самогонщицы-проститутки» [там же, оп. 2, д. 109, л. 5]. Профилактической мерой выступало обследование быта безработных женщин, которые, по мнению комиссии, могли стоять «на грани проституции» [там же, д. 655, л. 3]. Разведенные женщины, не имевшие работы, с детьми на руках стали рассматриваться в качестве тех, кто мог пополнить ряды проститутирующих женщин, в связи с чем с ними предполагалось проводить просветительскую работу. Но большинство обсуждаемых мер (предоставление бездомным женщинам мест в общежитиях, выдача пособий безработным женщинам, содействие трудоустройству) оставались лишь на бумаге [там же, л. 9].

Трудовая повинность женщин и рост детской беспризорности

Детская беспризорность в начале 1920-х гг. достигла колоссальных масштабов вследствие гражданской войны, массового обнищания населения, голода, разрушения социальной инфраструктуры и стала рассматриваться как угроза существованию молодого советского государства [там же, оп. 1, д. 763, л. 3]. В Смоленске, как и по всей России, росла детская и подростковая преступность, по городу формировались преступные «детские шайки». Местная пресса писала: «В настоящее время в Смоленске имеется огромное количество детских шаек. Среди этих преступников имеются настоящие “клопы” — 12-летние ребята. Почти все они алкоголики, кокаинисты. Многие заражены венерическими болезнями» [там же, д. 766, л. 27]. В регионах создавались многочисленные комиссии, в том числе по поиску и определению детей в детские дома, по улучшению жизни детей, проводились обследования районов города, практиковалось

адресное выделение помощи для семей, находившихся в крайне бедственном положении, но в начале 1920-х гг. изменить ситуацию с беспризорниками не удавалось [там же, л. 46].

Изучение архивных документов показало, что значительная часть детей в детские дома направлялась самими родителями, прежде всего женщинами. Не либеральное законодательство в области семьи, брака и репродуктивного поведения населения, а сложнейшие социальные условия, связанные с выживанием, вынуждали матерей отказываться от своих детей. Анализ внутренней документации подотделов ОММ показал, что в многочисленных прошениях матерей о приеме детей в приюты в абсолютном большинстве случаев в качестве причины указывалась неспособность их прокормить [там же, д. 525]. Заявления женщин в подотделы ОММ демонстрируют драматичную картину социального положения просительниц. Как правило, все они были незамужние или состояли в разводе, на руках у них было несколько детей, на иждивении могли находиться бедные родственники, все женщины жили в крайне тяжелых условиях и не имели возможности работать ввиду необходимости ухода за малолетними детьми. Отказ от детей рассматривался матерями в качестве единственного способа спасения их от голода [там же, д. 531, л. 62; д. 299, л. 465]. Приведем типичное прошение жительницы г. Смоленска Лизы Шиликовой, датированное 1922 г.: «Прошу зачислить временно моего ребенка восьми месяцев в ваш приют ввиду моего безвыходного положения. Мужа я не имею, он уехал 5 месяцев назад в неизвестном направлении. Я портниха. Машины не имею, а по домам ходить с ребенком не берут» [там же, д. 525, л. 269]. Усугублялась ситуация введением обязательной трудовой повинности для женщин и отсутствием достаточного числа детских садов и яслей.

Неспособность родителей, и прежде всего женщин, прокормить новорожденных приводила к росту детской смертности. Анализ смертности и рождаемости в регионах в 1917—1920-х гг. затруднен, так как в статистических фондах за эти годы сведения фрагментарны. Однако изучение отрывочных данных за 1916 и 1920-е гг. в Смоленской губернии показало, что рождаемость в уездах сохранялась на прежнем уровне или даже росла (что не противоречит общероссийским выводам [Генс, 1929]), в то время как показатели смертности существенно увеличились (табл.). Согласно статистическим данным, за первое полугодие 1922 г. в Смоленской губернии смертность детей до четырех лет составила около 30 % [ГАСО, ф. Р-132, оп. 1, д. 764, л. 14].

Статистические данные рождаемости, а также смертности детей до четырех лет за первое полугодие 1922 г. в Смоленской губернии, %
[ГАСО, ф. Р-132, оп. 1, д. 475, л. 4]

Уезд	Рождаемость		Смертность	
	1916 г.	1920 г.	1916 г.	1920 г.
Дорогобужский	332	452	298	539
Мстиславльский	82	285	67	176
Демидовский	128	209	142	171
Рославльский	937	783	844	1179

Росла практика подкидывания детей [там же, д. 18]. Как правило, подкидышей оставляли возле детских приютов [там же, ф. Р-1530, оп. 1, д. 18, л. 34]. По статистике одного из детских приютов Смоленска, подкидыши в 1923 г. составляли 64 % от общего числа поступивших детей, в то время как дети, официально переданные в приюты матерями, — только 12 % [там же, ф. Р-132, оп. 2, д. 299, л. 103].

Основной мерой по борьбе с детской беспризорностью явилось открытие детских приютов. К 1923 г. в Смоленской губернии функционировало 10 детских приютов. Численность детей в них постоянно колебалась, а в среднем составляла около 800 человек [там же, д. 131, л. 14]. Но количество детей в приютах не отражало масштаба проблемы, так как большая их часть бродяжничала, фиксировались частые случаи побегов детей из приютов [там же, оп. 1, д. 229, л. 5]. Спасать жизни младенцев были призваны дома для грудных детей. В детских приютах могли содержаться дети-сироты, а также новорожденные с матерями, которым разрешалось находиться там до 5—6 месяцев. Встречалась практика временного оставления родителями детей в приютах, что было обусловлено невозможностью их прокормить и совмещать трудовые обязанности с уходом за ними. Младенцы могли находиться в домах ребенка, матерям позволялось навещать их для вскармливания [там же, оп. 2, д. 133, л. 2].

Переполненность детских приютов приводила к тому, что с середины 1920-х гг. стала распространяться практика раздачи детей в приемные семьи [там же, д. 411, л. 58]. Приемные родители должны были подписать «обязательство», в котором обещали не эксплуатировать детей, обучать их грамоте, заботиться о здоровье и сообщать все необходимые сведения подотделу ОММ [там же, д. 299, л. 367]. Нередко просителями выступали немолодые мужчины, проживавшие в сельской местности. Вероятно, прием детей рассматривался в качестве возможного заработка.

Противоречивость репродуктивных прав женщин

Наиболее противоречивой оказалась политика в области репродуктивных прав женщин. Многие исследователи полагают, что именно легализация аборт в 1920 г. привела к резкому демографическому кризису. Стоит заметить: статистические данные в отношении аборт в 1920-х гг. чрезвычайно противоречивы и неоднозначны. В региональных архивах все дела, связанные с производством аборт, утеряны или списаны. Отрывочные данные позволяют усомниться в высоких цифрах, которые приводятся в демографических исследованиях. По сведениям региональных исследований, ежегодно в областных городах советской России в 1924—1926 гг. производилось от 20 до 80 аборт, в предыдущие годы их число было еще меньше [Лебина, 1999: 275; Денисова, 2010]. В Смоленской губернии впервые данные о числе аборт в архивных документах стали фигурировать с 1922 г., до этого отсутствовали какие-либо условия для реализации декрета, принятого в 1920 г. В 1922 г. по Дорогобужскому уезду было зафиксировано 37 аборт. Число аборт могло колебаться ежегодно от 0,5 до 2,6 % от всех деторождений.

Статистический рост числа аборт не свидетельствовал о его фактическом росте. В документации значились «полные» и «неполные» аборт. К «неполным» абортам относили гинекологические процедуры, связанные с ликвидацией

последствий аборта, проведенного женщиной самостоятельно. Количество женщин, поступивших с неполным абортом и неполным выкидышем, в ряде уездных больниц превышало в 4,5 раза число абортов, осуществленных за этот период [ГАСО, ф. Р-132, оп. 1, д. 769, л. 12 об. — 13]. В Смоленском уезде в 1925 г. за полгода было произведено 97 абортов, среди которых 73 неполных и 24 полных [там же, ф. 426, оп. 1, д. 599, л. 17 об.]. Врачи 1920-х гг. называли эту тенденцию «извлечением абортов из подполья» [Генс, 1929: 8]. Анкеты женщин, пришедших на аборт, говорят также о том, что иногда в анамнезе заявительниц уже были прерывания беременности [ГАСО, ф. 426, оп. 1, д. 599, л. 25]. Это может свидетельствовать о том, что доля скрытых абортов в России среди сельского населения была высокой до фактической легализации абортов. Число выкидышей (абортирование), произведенных сельскими умелицами, невозможно рассчитать, но о том, что данная практика контроля рождаемости имела широкое распространение, свидетельствуют опросные листы пациенток больниц и участковых врачей. При этом статистические данные демонстрировали рост рождаемости населения, а незначительное снижение его прироста объяснялось ростом детской смертности [Генс, 1929: 23—24].

Следует отметить, что аборт по желанию женщины (в случае аборта по социальным показаниям) совершался условно, так как разрешение на прерывание беременности давалось специальными комиссиями [ГАСО, ф. 426, оп. 1, д. 599, л. 1]. В состав абортных комиссий входили представительницы женотделов, врачи и социальные работники, которые определяли весомость социальных показаний [там же, ф. Р-132, оп. 2, д. 133, л. 6]. Отмечалось, что на комиссии приходит крайне мало женщин, большая часть выполняет аборт у частных врачей, акушерок и бабок. Отделами здравоохранения признавалось, что «абортное дело желает много лучшего». При выдаче направлений на аборт комиссиями была выстроена система приоритетов: незамужние безработные, незамужние с ребенком, многодетные, жены рабочих и т. д. [Генс, 1929: 28].

Легализация абортов не сопровождалась выделением на местах достаточного числа больничных коек, поэтому женщины, получившие разрешения на аборт, могли его не дожидаться по причине отсутствия мест в родильных отделениях. 11 % женщин получили отказ в производстве аборта. В отделениях отсутствовали специальные койки для женщин, приходивших на аборт, поэтому после операции их сразу отпускали домой вне зависимости от состояния [ГАСО, ф. Р-132, оп. 2, д. 660, л. 55]. В периодической печати отмечалась повсеместная грубость членов абортных комиссий по отношению к женщинам [там же, д. 411, л. 9].

В сельской местности, согласно опросу участковых врачей, в абсолютном большинстве случаев аборт проводился бабками и акушерками [там же, д. 133, л. 6; Генс, 1929: 71]. В больницы женщины поступали исключительно вследствие возникших осложнений. Участковые врачи высказывали мнение, что главная причина, по которой они не желали обращаться в больницу за производством аборта, — деятельность абортных комиссий, не позволявшая сохранить тайну операции [Генс, 1929: 71].

Анализ отрывочных данных, а именно заявлений женщин о производстве абортов, показывает, что абсолютное большинство женщин шли на этот шаг в связи с тяжелыми социальными условиями и необходимостью вести активную трудовую деятельность [ГАСО, ф. 426, оп. 1, д. 599, л. 4].

В условиях легализации аборт практически отсутствовала политика в области предотвращения нежелательной беременности. Отдел охраны материнства и младенчества инициировал проведение работы «по даче советов женщинам» о предупреждении нежелательной беременности. Однако такая работа велась далеко не во всех женских консультациях. Как правило, «советы» давались уже беременным женщинам в редких консультациях один раз в неделю [там же, ф. Р-132, оп. 2, д. 660, л. 110].

Недостаток государственных форм содержания, воспитания и лечения детей

Улучшить положение трудящихся матерей были призваны внесемейные формы воспитания, а именно детские ясли и сады. В 1920-х гг. их деятельность не являлась строго регламентированной. Встречались различные формы учреждений, что обуславливалось финансовым положением регионов [там же, оп. 1, д. 32]. Детские учреждения выполняли две основные функции — присмотр за детьми и их кормление. Однако внесемейные формы воспитания в 1920-х гг. не могли «освободить» женщин, так как детских садов и яслей в регионах катастрофически не хватало. К 1923 г. в Смоленской губернии насчитывалось всего 6 детских яслей, в которых состояло около 700 детей [там же, оп. 2, д. 131, л. 14; д. 527, л. 195]. Антисанитарные условия, разбитые помещения, сырость, отсутствие отопления, щели — все это приводило к тому, что многие детские учреждения закрывались в зимнее время [там же, оп. 1, д. 313, л. 37].

Подотделы ОММ не могли удовлетворить прошения всех матерей, желавших разместить детей в ясли и детские сады. Тексты источников выступают свидетельством крайне тяжелого положения матерей. В качестве примера приведем прошение Нины Меженцевой о принятии ее двухмесячного (!) сына в ясли: «Мой муж — член РКП(б) — сейчас на службе в Красном флоте, не имея никаких средств к существованию, ни личного заработка, я должна самостоятельно содержать семью из трех человек — двух детей, трех лет и двух месяцев, и старуху 69 лет от роду» [там же, д. 525, л. 278].

Сложные социальные условия в семьях, проявлениями которых были голод, плохие жилищные условия и антисанитарная обстановка, отражались на здоровье детей. Разрозненные результаты обследований, проведенные подотделами ОММ, демонстрируют крайне тяжелое состояние здоровья детей, помещенных в детские учреждения. Из 2807 обследованных детей Вяземского уезда в 1920 г. 491 ребенок получил диагноз малокровие, 22 — туберкулез, 116 — чесотка, 56 — тугоухость [там же, д. 57, л. 397]. Значительное число из них страдало трахомой (инфекционное заболевание глаз, вызванное хламидией). Все чаще среди детей стал встречаться сифилис. В 1922 г. было зафиксировано, что около 90 % детей получают пониженное питание [там же, д. 764, л. 170].

Открыть в 1920-х гг. детские амбулатории при детских учреждениях, как предписывали циркуляры из Москвы, было делом невозможным [там же, д. 147, л. 8]. Отсутствовали как финансовые, так и трудовые ресурсы. На весь уезд мог числиться единственный школьный санитарный врач. В губернии в начале 1920-х гг. функционировали только две школьные амбулатории. С целью укрепления здоровья детей до года была сделана ставка на открытие детских

консультаций, в которых, кроме осмотра детей, выдавалось детское питание [там же, д. 389, л. 39; д. 318]. Однако по причине того что эти учреждения должны были полностью финансироваться регионом, их число было незначительным, и они не могли существенно изменить ситуацию. В первые годы своей работы детские консультации Смоленска обеспечивали не более 130 детей [там же, д. 627, л. 212].

Подводя итог, важно заметить, что при всей концептуальной и теоретической прогрессивности декларируемая молодой советской властью социальная политика не достигала воплощения на местах. Складывалась парадоксальная ситуация: в условиях заявленного предоставления женщинам прав и свобод, развития социального законодательства в сфере охраны материнства и детства на практике «освобождение женщин» оборачивалось против них самих. Новые очертания социальной политики в области развития женских прав и свобод, семейной жизни, охраны материнства и детства не могли в полной мере быть реализованы в регионах. Правовые и социальные гарантии, предоставленные женщинам в 1920-х гг., на практике не исполнялись. Микроанализ делопроизводственных документов различных органов власти показал, что в регионах не хватало ресурсов для реализации новой социальной политики. Главная причина состояла в отсутствии эффективной системы управления и выстроенного алгоритма финансирования. В 1920-х гг. все усилия региональной власти в области социальной семейной политики были направлены на преодоление катастрофических последствий, связанных с голодом и ростом беспризорности. Важным препятствием в реализации новой социальной политики стала противоречивость уголовного, трудового и социального законодательства, а также устойчивость стереотипов в отношении женских социальных ролей.

При введении всеобщей трудовой повинности, упрощении процедуры развода, отсутствии достаточного числа детских садов и яслей, неразвитости алиментных обязательств со стороны отцов детей в сложнейших условиях социально-экономического кризиса 1918—1920-х гг. вся тяжесть положения падала на женщин. Особенно уязвимыми оказывались «освобожденные женщины», которых призывали включаться в общественное производство, в то время как декларируемые социальные гарантии для всех беременных, кормящих матерей, женщин с малолетними детьми повсеместно не соблюдались. Полноценная система государственных учреждений по охране материнства и детства только зарождалась.

Новая половая мораль на практике носила двойственный характер. На одиноких женщин с детьми стали смотреть с предубеждением. Статистический рост числа аборт не всегда свидетельствовал о его фактическом увеличении, так как легализация абортов вывела их «из подполья», тем самым показав уже существовавшие тенденции, связанные с рационализацией сексуальности. Высокие цифры детской беспризорности были обусловлены резким падением социально-экономического уровня семей. Обращение к документам детских приютов показало, что значительная часть детей была определена в эти учреждения самими матерями, старавшимися таким образом сохранить детям жизнь.

Список источников

- Антонов А. И. Кризис фамилистической цивилизации в XXI в. // Экономические стратегии. 2016. № 1. С. 40—43.
- Афанасова Е. Н. Реализация социальной политики Советского государства в области охраны материнства и детства в 1920—1930-е гг.: (по материалам Восточной Сибири): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2020. 50 с.
- Васеха М. В. Политика охраны материнства и младенчества в 1920-х гг. и «конструирование» матерей нового типа: опыт сибирской деревни // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 107—119.
- Великая Н. М., Князькова Е. А. Репродуктивные права женщин в политическом дискурсе современной России // Женщина в российском обществе. 2021. № 1. С. 25—37.
- ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации).
- ГАСО (Государственный архив Смоленской области).
- Генс А. Б. Проблема аборта в СССР. М.: Госмедиздат, 1929. 90 с.
- Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40—49.
- Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М.: Ин-т социол. РАН, 2008. 326 с.
- Декларация прав беременной // Правда. 1920. № 195.
- Демографическое развитие России в контексте национальной безопасности / отв. ред. Т. К. Ростовская. М.: Проспект, 2022. 264 с.
- Денисенко М. Демографический кризис в СССР в 1-й половине 1930-х гг.: оценки потерь и проблемы изучения // Историческая демография: сборник статей / под ред. М. Б. Денисенко, И. А. Троицкой. М.: Макс-Пресс, 2008. С. 106—143.
- Денисова М. А. Становление советской семьи в 1920-е гг.: (на примере Курской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. 6, История. Политология. Экономика. 2010. № 7. С. 182—186.
- Исупова О. Г. Демографическая и семейная политика в разных странах: концептуальные подходы и практики // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 3. С. 51—83.
- Конюс Э. М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917—1940). М.: Центр. ин-т усовершенствования врачей, 1954. 404 с.
- Лебедева В., Смугевич Б. Материнство при капитализме и социализме. М.: Соцэкгиз, 1936. 150 с.
- Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920—1930-е гг. СПб.: Летний сад, 1999. 316 с.
- Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. Социальные эксперименты и поиск оптимальных путей в формировании нового института родительства в 1900—1930-е гг. // История повседневности. 2023. № 1. С. 96—116.
- Об организации постоянной комиссии по надзору за малолетними: Постановление Народного комиссариата труда // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1919. № 192.
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 г. № 4356-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212310034> (дата обращения: 20.10.2023).
- Рябинина Н. В. Социальная политика Советской России (октябрь 1917—1920-е гг.): женщина, семья и дети в новом обществе. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2004. 100 с.
- Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. / Упр. делами Совнаркома СССР. М.: б. и., 1942. 1483 с.
- Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. / Упр. делами Совнаркома СССР. М.: б. и., 1943. 817 с.

- Сулейманова Р. Н. Охрана материнства и детства в Советской России в 1920-х гг.: опыт Башкирии // *Женщина в российском обществе*. 2022. № 1. С. 98—107.
- Ушакова В. Г., Савин С. Д. Женщины в современной российской политике и государственном управлении // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 1. С. 20—31.
- Чернова Ж. В. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 287 с.
- Goldman W. *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 376 p.
- Kirschenbaum L. A. *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917—1932*. New York: Routledge, 2001. 242 p.
- Leykin I., Rivkin-Fish M. Politicized Demography and Biomedical Authority in Post-Soviet Russia // *Medical Anthropology: Cross Cultural Studies in Health and Illness*. 2022. Vol. 41, № 6—7. P. 702—717.
- Waters E. The Modernisation of Russian Motherhood, 1917—1937 // *Soviet Studies*. 1992. Vol. 44, № 1. P. 123—135.
- Yanow D. *Conducting Interpretive Policy Analysis*. London: SAGE Publications, 2000. 120 p.

References

- Afanasova, E. N. (2020) *Realizatsiia sotsial'noi politiki Sovetskogo gosudarstva v oblasti okhrany materinstva i detstva v 1920—1930-e gg.: (Po materialam Vostochnoi Sibiri): Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Implementation of the social policy of the Soviet state in the field of protection of motherhood and childhood in the 1920—1930s: (Based on materials from Eastern Siberia): Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)]*, Ulan-Ude.
- Antonov, A. I. (2016) Krizis familisticheskoi tsivilizatsii v XXI v. [The crisis of familistic civilization in the 21st century], *Èkonomicheskie strategii*, no. 1, pp. 40—43.
- Chernova, Zh. V. (2013) *Sem'ia kak politicheskii vopros: Gosudarstvennyi projekt i praktiki privatnosti [Family as a political issue: State project and privacy practices]*, St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Denisenko, M. (2008) Demograficheskiï krizis v SSSR v 1930-kh gg.: otsenki poter' i problemy izucheniia [Demographic crisis in the USSR in the 1st half of the 1930s: estimates of losses and problems of study], in: Denisenko, M. B., Troitskaya, I. A. (eds), *Istoricheskaia demografiia: Sbornik statei*, Moscow: Maks-Press, pp. 106—143.
- Denisova, M. A. (2010) Stanovlenie sovetskoï sem'i v 1920-e gg.: (Na primere Kurskoï gubernii) [Formation of the Soviet family in 1920s: (On the example of Kursk province)], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia 6, Istoriiia. Politologiiia. Èkonomika, no. 7, pp. 182—186.
- Gens, A. B. (1929) *Problema aborta v SSSR [The problem of abortion in the USSR]*, Moscow: Gosmedizdat.
- Goldman, W. (1993) *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Golod, S. I. (2008) Sotsiologo-demograficheskiï analiz sostoianiia i èvoliutsii sem'i [Sociological and demographic analysis of the state and evolution of the family], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 40—49.
- Gurko, T. A. (2008) *Brak i roditel'stvo v Rossii [Marriage and parenthood in Russia]*, Moscow: Institut sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Isupova, O. G. (2020) Demograficheskaia i semeinaia politika v raznykh stranakh: kontseptual'nye podkhody i praktiki [Population and family policy in different countries: conceptual approaches and practices], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 7, no. 3, pp. 51—83.

- Kirschenbaum, L. A. (2001) *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917—1932*, New York: Routledge.
- Konyus, E. M. (1954) *Puti razvitiia sovetskoĭ okhrany materinstva i mladenchestva (1917—1940)* [The ways of development of the Soviet protection of motherhood and infancy (1917—1940)], Moscow: Izdatel'stvo Tsentral'nogo instituta usovershenstvovaniia vracheĭ.
- Lebedeva, V., Smulevich, B. (1936) *Materinstvo pri kapitalizme i sotsializme* [Motherhood under capitalism and socialism], Moscow: Sotsĕkgiz.
- Lebina, N. B. (1999) *Povsednevnaia zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii, 1920—1930-e gg.* [Everyday life of the Soviet city: norms and anomalies, 1920—1930s], St. Petersburg: Letniĭ sad.
- Leykin, I., Rivkin-Fish, M. (2022) Politicized Demography and Biomedical Authority in Post-Soviet Russia, *Medical Anthropology: Cross Cultural Studies in Health and Illness*, vol. 41, no. 6—7, pp. 702—717.
- Mitsyuk, N. A., Pushkareva, N. L. (2023) Sotsial'nye ĕksperimenty i poisk optimal'nykh puteĭ v formirovanii novogo instituta roditel'stva v 1900—1930-e gg. [Social experiments and the search for optimal ways in the formation of a new institution of parenthood in the 1900s and 1930s], *Istoriia povsednevnosti*, no. 1, pp. 96—116.
- Rostovskaya, T. K. (ed.) (2022) *Demograficheskoe razvitie Rossii v kontekste natsional'noi bezopasnosti* [Demographic development of Russia in the context of national security], Moscow: Prospekt.
- Ryabinina, N. V. (2004) *Sotsial'naiia politika Sovetskoĭ Rossii (oktiabr' 1917—1920-e gg.): Zhenshchina, sem'ia i deti v novom obshchestve* [Social policy of Soviet Russia (October 1917—1920s): Woman, family and children in the new society], Yaroslavl: Iaroslavskii gosudarstvennyi universitet.
- Suleimanova, R. N. (2022) Okhrana materinstva i detstva v Sovetskoĭ Rossii v 1920-kh gg.: opyt Bashkirii [Protection of maternity and infancy in Soviet Russia of the 1920s: regional experience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 98—107.
- Ushakova, V. G., Savin, S. D. (2023) Zhenshchiny v sovremennoi rossiiskoi politike i gosudarstvennom upravlenii [Women in modern Russian politics and public administration], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 20—31.
- Vasekha, M. V. (2019) Politika okhrany materinstva i mladenchestva v 1920-kh gg. i "konstruirovaniie" matereĭ novogo tipa: opyt sibirkoĭ derevni [The policy of motherhood and infancy protection in the 1920s and "designing" of a new type mothers: the experience of the Siberian village], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 107—119.
- Velikaya, N. M., Knyazkova, E. A. (2021) Reproduktivnye prava zhenshchin v politicheskom diskurse sovremennoi Rossii [Reproductive women rights in political discourse of modern Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 25—37.
- Waters, E. (1992) The Modernisation of Russian Motherhood, 1917—1937, *Soviet Studies*, vol. 44, no. 1, pp. 123—135.
- Yanow, D. (2000) *Conducting Interpretive Policy Analysis*, London: SAGE Publications.

Статья поступила в редакцию 28.12.2023; одобрена после рецензирования 09.01.2024; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 28.12.2023; approved after reviewing 09.01.2024; accepted for publication 10.01.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Мицюк Наталья Александровна — доктор исторических наук, доцент кафедры философии, истории медицины и социальных наук, Смоленский государственный медицинский университет, г. Смоленск, Россия, nmitsyuk@gmail.com (Dr. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Philosophy, History of Medicine and Social Sciences, Smolensk State Medical University, Smolensk, Russian Federation).

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Center for Gender Studies, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Мухина Зинара Зиевна — доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных наук, Старооскольский технологический институт им. А. А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСИС», г. Старый Оскол, Россия, mukhiny@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Humanities, Stary Oskol Technological Institute named after A. A. Ugarov (Bbranch) of the National University of Sciences and Technology “MISIS”, Stary Oskol, Russian Federation).